

Кое-что о духоборахъ.

Духоборы и политическіе ссыльные социалисты во многихъ отношеніяхъ, въ особенности по тактическимъ приёмамъ — вода и масло. Но въ ихъ социальныхъ стремленіяхъ есть нѣчто родственное социализму, и потому неудивительно, что когда осенью 1907 г. въ Якутскъ прибыла первая партія духоборовъ, то именно мы, тогдашніе ссыльные, радушно ихъ встрѣтили, дали временный пріютъ и пособили, чѣмъ могли.

Это же послужило и къ моему личному сближенію съ духоборами, которые потомъ, приходя въ Якутскъ на заработки или за покупками, останавливались у меня.

Обстоятельства, приведшія духоборовъ въ Якутскую обл., извѣстны: захватъ ихъ общиннаго имущества, поддержанный администраціей, разгромъ ихъ поселковъ, расселеніе по грузинскимъ деревнямъ, отказъ новобранцевъ служить, судъ, дисциплинарныя роты и истязанія.

Безъ волненія духоборы не могли говорить обо всемъ этомъ.

У меня сохранилась собственноручная записка Петра Ольховика, — виднаго духобора изъ первой партіи сосланныхъ въ Якутскую обл., — сдѣланная по моей просьбѣ, о нѣкоторыхъ подробностяхъ ихъ дѣла. Привожу ее съ не существенными сокращеніями.

„Въ то время, когда раззоренные ахалкалахскіе духоборы, разогнанные по грузинскимъ деревнямъ, гибли отъ нищеты, — нѣсколько десятковъ ихъ дѣтей подверглись страшнымъ истязаніямъ въ дисциплинарномъ батальонѣ, въ Екатериноградской станицѣ Терской обл. За отказъ (2 апрѣля, 6 мая и 29 іюня 1895 г.) отъ оружія и солдатской службы военный судъ (въ промежуткѣ между 16 іюня 1895 г. и 3 мая 1896 г.) приговорилъ въ дисциплинарные батальоны 41 духобора изъ Ахалкалахскаго уѣзда, Елизаветпольской губ. и Карской обл. Изъ нихъ 11 человѣкъ были водворены въ Екатериноградскомъ дисциплинарномъ батальонѣ 20 окт. 1895 г. Всѣ они служили въ г. Елизаветполѣ въ Асландузскомъ резервномъ батальонѣ“. Слѣдуетъ поименное перечисленіе лицъ и частей, въ которыхъ они служили. „Эти лица, по общему своему согласію во время своей бесѣды, пришли къ заключенію, что нельзя носить и владѣть оружіемъ, дѣйствуя противъ людей, если только вѣрить словамъ Христа: „не противься злу; всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ и погибнутъ“. И 2 апрѣля 1895 г. сдали оружіе, заявивши, что больше они не могутъ нести военную службу, основываясь на тѣхъ же словахъ Христа. Лебедева, какъ агитатора, ротный командиръ Крупениковъ посадилъ въ одиночное заключеніе въ тѣсный карцеръ“.

8 человѣкъ, присланные 29 декабря 1895 г. въ Екатериноградскій батальонъ, „были потребованы тянуть жребій для отбыванія воинской повинности, отъ чего они отказались, заявивъ, что ни присягать, ни оружія брать, ни служить не будутъ, такъ какъ по ученію Христа нельзя ни присягать, ни оружія брать. 6 человѣкъ изъ нихъ были изъ Тифлисской губ. Ахалкалахскаго у. и послѣ разгрома были расселены среди грузинъ Горійскаго и Тіонетскаго уѣзда, откуда и потребованы на пріемъ“.

9 человѣкъ „назначены были въ Екатеринадоръ Кубан-

ской обл., въ онанскій батальонъ, гдѣ принуждали ихъ служить, принимая мѣры насилія: насильно одѣвали въ солдатскую одежду, стригли, становили въ строй и за неповиновеніе и отказъ отъ исполненія этихъ требованій били ихъ по головѣ офицеры, унтеръ-офицеры и фельдфебели. *Щербинина* фельдфебель съ унтеръ-офицерами сваливали съ ногъ и топтались по немъ. По прибытіи въ дисциплинарный батальонъ онъ все время чахъ, и докторъ не бралъ его въ лазаретъ, принуждалъ ѣсть мясо и тогда только соглашался взять въ лазаретъ.

Такъ и покончилъ свою жизнь *Щербининъ* въ дисциплинарномъ батальонѣ. Примѣнивши къ нему мѣры насилія и удостовѣрившись, что онѣ не дѣйствительны, отдали подъ судъ и осудили на 3 года въ дисциплинарный батальонъ“.

8 человекъ, служившихъ въ ахалкалахской мѣстной командѣ, 29 іюня 1895 г. „сдали оружіе и не пошли въ карауль къ тюрьмѣ, куда нагнали духоборовъ во время ихъ „разгрома“, заявивъ, что „мы не можемъ караулить своихъ братьевъ и держать ихъ въ неволѣ,—лучше сами сядемъ къ нимъ“, и ихъ арестовали“.

Двое изъ дилижанской мѣстной команды „сдали оружіе и отказались присягать. Ихъ принуждали и били ужасно фельдфебель и унтеръ-офицеры“.

Гр. Сухаревъ и Лука Новокшеевъ „въ концѣ 1895 года отказались тянуть жребій для отбыванія воинской повинности и заявили на пріемѣ, что ни присягать, ни оружія брать, ни служить не будутъ. Жребій тянулъ уѣздный. Несмотря на ихъ отказъ, назначили ихъ въ грозненскій резервный батальонъ. Они тамъ отказались надѣть солдатскую одежду и обучаться военному дѣлу. Ихъ насильно обмундировали и заставляли насиліемъ служить, отъ чего они отказывались и за это ихъ били офицеры и унтеръ-офицеры всякими пріемами: по лицу, по шеѣ и подъ бока, да такъ спльно, что не могли устоять на ногахъ. Это повторялось нѣсколько разъ. Кромѣ того, содержали ихъ въ холодныхъ карцерахъ подъ строгимъ арестомъ на хлѣбѣ и водѣ“.

4 человека с. Славянки, Елизаветпольской губ. въ концѣ 1905 г. „отказались тянуть жребій, заявивъ, что не будутъ ни присягать, ни оружія брать, ни служить въ виду того,

что они христіане и не могутъ нарушатьъ заповѣдь Христа о клятвѣ и непротивленіи злу насиліемъ. Подъ слѣдствіемъ находились въ гражданской елизаветпольской тюрьмѣ. Имъ не пришлось быть въ воинскихъ частяхъ и переносить крутыя мѣры насилія, за то они подверглись, по прибытіи въ дисциплинарный батальонъ, крутому истязанію за свое упорство противъ занятій: Щербаковъ подвергался 2 раза тѣлесному наказанію: въ 1-й разъ 30 ударамъ, во 2-й—60 ударамъ; Маловъ—2 раза: 30 и 60 ударамъ; Плотниковъ—3 раза: 30, 30 и 60 ударамъ; Веригинъ—3 раза: 20, 30 и 60 ударамъ. Кромѣ того, когда они отказывались отъ занятій, ихъ били кулаками, шашками и сумкой съ патронами по чемъ попало, брали за горло (у Плотникова кровь горломъ пошла), ставили на колѣни и подымали руки вверхъ“ и т. д. въ томъ же скорбномъ духѣ синодика Грознаго. Добавимъ только, что среди истязателей упоминается начальникъ ольтенской мѣстной команды Карской области *Драгоміровъ*,—не тотъ-ли это полковникъ Дрогоміровъ, который въ должности полицеймейстера г. Иркутска убитъ въ январѣ 1906 г. двумя выстрѣлами неизвѣстнаго лица среди бѣла дня?..

Не любезно встрѣтила и официальная Сибирь духоборовъ. Вотъ отрывокъ изъ разсказа добродушнаго, простого и замѣчательно симпатичнаго духобора, записанный мною еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Какъ обыкновенно, до Качуга духоборовъ отправили пѣшимъ этапомъ вмѣстѣ съ уголовными. Вышли. Скоро пошелъ дождь. Въ числѣ идущихъ были старики, буквально выбивавшіеся изъ силъ; многіе падали, и такихъ солдаты подымали прикладами. Впрочемъ, духоборовъ не трогали.

На слѣдующей станціи, въ виду этого, партія потребовала дополнительныхъ подводъ: полного комплекта ихъ почти никогда не бываетъ, такъ какъ это составляетъ доходъ офицера пополамъ съ подрядчикомъ. Офицеръ требовалъ, чтобы духоборы наняли на свой счетъ. Но когда духоборы въ присутствіи старосты подали деньги и староста замѣтилъ: „что-же это, ваше благородіе, вы наши подводы продаете?“—офицеръ сердито бросилъ деньги. Но за то онъ всю дорогу мстилъ имъ: не пускалъ съ паузка за по-

купками, не давалъ работы на „улебяхъ“ (арестанты обыкновенно отбываютъ ее группами поочередно, получая небольшую плату).

И даже въ Якутскѣ онъ старался повредить имъ въ глазахъ мѣстнаго начальства, выставляя ихъ, какъ людей безпокойныхъ и богатыхъ, которыхъ поэтому слѣдуетъ отправить пѣшимъ порядкомъ, хотя пароходъ „Громовъ“ предлагалъ доставить ихъ на Нотору по дешевой цѣнѣ.

— Ужъ по тѣхъ поръ худой человѣкъ, по тѣхъ поръ худой человѣкъ, что хуже и не надобно,—говорилъ о немъ мой собесѣдникъ.

— Самъ духанъ держалъ, самъ же пьяныхъ бить приказывалъ.

По словамъ рассказчика, водка отпускалась офицеромъ арестантамъ и за наличныя, и за казенную одежду. Многіе пропили халаты.

— Почитай, человѣкъ 30 совсѣмъ голыхъ,—простите за слово,—осталось. А напьются,—вяжетъ, бьетъ.

Съ пьяными расправлялись прикладами по распоряженію офицера и одного изъ унтеровъ. Одного пьянаго стянули веревками до того туго, что онъ „благимъ матомъ оралъ“ но когда какой-то старичекъ сжалился надъ нимъ и обратился къ офицеру съ просьбой ослабить веревки, отвѣтъ получился прямой и ясный:

— А-а! Ты—уполномоченный! Развязать того, связать этого... И бѣднаго заступника связали до того больно, что съ нимъ — „простите за слово,—большой грѣхъ случился“...

Алчность свою офицеръ простеръ до того, что даже дѣтямъ выдавалъ не кормовыя деньги, а сухари и солонину. Словомъ, первое путевое знакомство съ Сибирью ее обѣщало имъ въ будущемъ ничего добраго.

Водворить духоборовъ заранѣе предрѣшено было за предѣлами населенныхъ (по якутски населенныхъ!) мѣстъ, въ урочищѣ при устьѣ рѣки Ноторы (лѣвый притокъ Алдана) приблизительно въ 430—500 верстъ отъ Якутска.

Судьба Ноторскаго поселенія чрезвычайно характерна для исторіи бюрократическаго культуртрегерства. Когда-то въ давнія времена здѣсь пролегалъ путь на Охотскъ и существовалъ перевозъ. На этомъ единственномъ основаніи

здѣсь рѣшено было „завести городъ Алданскъ“, для чего разработанъ былъ проектъ переселенія сюда крестьянъ изъ Иркутской губерніи. Къ 1833 году администрація уже забыла объ этомъ проектѣ и разрабатывала новый,—заселенія Ноторы якутами порочнаго поведенія. Я позволю себѣ сдѣлать довольно большую выписку изъ архива Кангаласской управы, одновременно характеризующую и колонизаціонные приемы администраціи, и мѣстность, въ которой рѣшили интернировать духоборовъ. Это—донесеніе областному начальнику н. о. п. Уваровскаго отъ 15 іюня 1833 г.

„Величина ноторской долины здѣсь опредѣлена,—разумѣется, на глазъ, — 220 верстъ длины и 3 — 5 верстъ ширины между горами. „Начиная отъ самаго устья ея (рѣки Ноторы), вверхъ по рѣчкѣ стоитъ извѣстная якутскому областному начальству казенная земля на пространствѣ примѣрно 10 верстъ, гдѣ содержимъ былъ прежде алданскій перевозъ, чрезъ который слѣдовали въ Охотскъ и нынѣ частью провозятъ казенный транспортъ. Далѣе отсель на 30 съ прибавкою верстъ мѣста алданскіе тунгусы полагаютъ своими, гдѣ и живутъ двѣ семьи двумя только юртами, и то по временамъ года; а остальное затѣмъ количество 180 верстъ есть принадлежащее 8 наслегамъ Батурускаго улуса, родовичи коихъ жительствоуютъ черезъ каждые 10 и 20 верстъ одной и двумя юртами, во всемъ своемъ пространствѣ изобилуя весьма значительными покосами, не имѣетъ еще доселѣ постояннаго заселенія якутовъ, а пользуются изъ покосовъ только малѣйшею частью въ случаѣ неурожая около рѣчки Амги и рѣки Татты травъ (;) сверхъ того рѣчка сія изобилуетъ множествомъ рыбъ, называемыхъ сигаами, ельцами, щуками и окунями, въ лежащихъ по берегамъ оной во множествѣ озерахъ карасями и другою мелкою рыбою, запасаемою якутами для зимняго продовольствія, а лѣса изобилуютъ зайцами и ягодами.

„Таковыя выгоды для жизни необходимыя, но остающіяся безъ всякаго употребленія ихъ въ пользу людей, суть причины, которыя заставляютъ меня объявить оныя начальству весьма полезными для заселенія оныхъ якутами, особенно такими, которые могутъ оказываться нетерпимыми въ своихъ обществахъ (;) они, будучи тамъ со своими семействами,

какъ на мѣстѣ, довольно не близкомъ и именно на двѣсти съ прибавкою верстъ отъ нутри якутскихъ селеній (отъ Якутска на 430 верстъ), стали быть менѣе вредными для общественниковъ.

„Поселеніе таковое я нахожу возможнымъ сдѣлать на объясненной выше казенной землѣ, присовокупивъ къ оной признаваемое за свое тунгусами на 30 верстъ пространство до урочища „Тунгусахъ“, которое для тунгусовъ есть совершенно бесполезное, да и не имѣютъ никакихъ законныхъ правъ (,) по таковомъ присовокупленіи мѣстѣ, когда составить пространство болѣе уже 40 верстъ, можно поселить на первый разъ безъ всякаго сумнѣнія до 10 семей со скотомъ хотя-бы до 500 штукъ, а въ будущее затѣмъ время при хорошемъ надзорѣ за обработкою мѣстѣ по усмотрѣнію можно будетъ помѣстить въ прибавокъ еще болѣе 10 семействъ, которыя не только отъ скота, а одною озерною и рѣчною рыбою, также зайцами и разнаго рода ягодами могутъ имѣть безбѣдное прокормленіе“.

Въ результатѣ по якутскимъ степнымъ думамъ начали „производить дѣйствіе“ „посредствомъ выборныхъ членовъ управъ“ „по розысканію о людяхъ дурного поведенія“ для заселенія ноторской мѣстности.

Но еще въ 35 году, когда степная дума „третично подтверждаетъ“ объ этомъ, свѣдѣній, по крайней мѣрѣ отъ кангаласской управы, не поступало. Впослѣдствіи, какъ видно изъ другихъ дѣлъ, якутовъ порочнаго поведенія просто „не оказалось“...

Одно время на Ноторѣ была поселена часть скопцовъ, но къ 1897 года не осталось ни слѣда ихъ поселенія.

Въ эту-то пустынную мѣстность рѣшили сбыть новый родъ „людей дурного поведенія“, духоборовъ.

Въ іюнѣ 1888 г. въ Якутскъ на заработки прибыла цѣлая артель духоборовъ, прекрасныхъ плотниковъ, и, на мое приглашеніе, рѣшила остановиться у меня, но ни за что въ комнатѣ, а только въ „лѣтникѣ“. Такъ мы жили, стараясь не мѣшать другъ другу, благо они цѣлый день были на работѣ, а вечеромъ дома, а я какъ разъ наоборотъ.

Начинаю замѣчать, что вечерами они собираются группами и ведутъ какіе-то споры. Ихъ дѣло.

Какъ-то вечеромъ подходятъ трое изъ наиболѣе замѣтныхъ духоборовъ.

— Мы имѣемъ къ вамъ секретъ...

— Сдѣлайте одолженіе, будетъ въ вѣрныхъ рукахъ.

— Мы это знаемъ...

Какъ разъ въ ту пору пошли извѣстія о переселеніи кавказскихъ духоборовъ на островъ Критъ, а потомъ въ Канаду. Съ другой стороны, жены духоборовъ прислали письма съ выраженіемъ намѣренія пріѣхать къ мужьямъ въ Якутскую область. У якутскихъ-же духоборовъ явилась мысль попытаться, не пустить-ли правительство ихъ въ Критъ вмѣсто Якутки. Какъ ни доказывалъ я тщетность надежды на мягкость правительства, мысль эта засѣла гвоздемъ. Они и рѣшили посоветоваться со своими кавказскими единовѣрцами. Но какъ? Почтой долго, да и не все можно довѣрить нашей почтѣ... И рѣшили они послать на Кавказъ своего делегата изъ Якутска изъ собственной же среды, т. е. попросту—устроить побѣгъ.

Какъ у людей чуткихъ и деликатныхъ, первой заботой было у нихъ—не подвести бы меня. Съ этимъ-то они и обратились ко мнѣ. Я какъ разъ доживалъ двадцатый годъ ссылки и тюрьмы, 1 августа мнѣ разрѣшено было выѣхать уже изъ Якутска. Какъ всегда, именно въ концѣ срока явилась особенная жажда свободнѣе вздохнуть, хоть немножко пожить иной, болѣе культурной жизнью, и мнѣ задерживаться въ Якутскѣ не хотѣлось.

Конечно, притянуть къ отвѣту меня за побѣгъ духобора у властей средствъ не было, но привлечь къ дѣлу и, обязавъ подпиской о невыѣздѣ, задержать на годъ-два сколько угодно. Все это я имъ прямо и высказалъ и предложилъ свой планъ.

15 іюля срокъ квартиры, 1 августа я уѣзжаю и оставлять ее за собою на полмѣсяца смысла не имѣетъ. Я формально передаю ее духоборамъ, самъ перехожу на двѣ недѣли къ В. Е. Гориновичу, товарищу по Карѣ и Якуткѣ, и тогда духоборы—полные хозяева и что хотятъ, то и дѣлаютъ. Обрадовались они и согласились на эту комбинацію.

Тутъ же я имъ посоветовалъ сѣсть на пароходъ не въ Якутскѣ, а на первой отъ Якутска станціи,—Покровкѣ, гдѣ пароходъ останавливается ночью.

Потомъ я узналъ отъ С. Д. Диковскаго, тоже возвращавшагося въ то же мѣсто изъ ссылки, что съ бѣглецомъ духоборцомъ чуть не страслась бѣда. Случайно на томъ же самомъ пароходѣ ѣхалъ якутскій исправникъ, А. И. Поповъ, который особенно хорошо лично зналъ именно делегата, какъ нѣсколько разъ объяснявшагося съ нимъ по дѣламъ ноторской колоніи. А делегатъ, несмотря на предостереженія, даже не смѣнилъ духоборческаго, бросающагося здѣсь въ глаза костюма. Къ счастью, въ это время на пароходахъ возвращается много мелкаго торговаго люда съ ярмарки и рабочихъ по сплаву паузковъ. Делегатъ удачно замѣшался въ эту пеструю толпу и удачно избѣжалъ опасной встрѣчи съ исправникомъ.

Делегатъ сдѣлалъ свое дѣло и черезъ три мѣсяца возвратился. Начальство и до сихъ поръ объ этомъ ровно ничего не знаетъ.

Духоборовъ тогда уже было много, приходили они на заработки и возвращались въ колонію свободно по простому заявленію; спутать надзоръ, особенно тогдашній якутскій, было легко.

Отечество, какъ видите, не подверглось опасности отъ самовольной отлучки столь важнаго „преступника“. А сколько было бы переполоху, выболтай кто по ненадлежащему адресу духоборческую тайну.

Теперь духоборцы уже на свободѣ и, можетъ быть, даже въ Канадѣ.

В. С. Е.